

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-333-347

Политическая субъектность нового рабочего класса*

В.В. Гаврилюк¹, В.В. Маленков²

¹Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625003, Россия

²Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия
(e-mail: gavriliuk@list.ru; vvmalenkov@gmail.com)

Авторы рассматривают новый рабочий класс, который включает в себя как промышленных рабочих, так и занятых в сфере услуг. Цель статьи — проследить изменения социально-политического статуса нового рабочего класса, рассмотреть гражданско-политическую составляющую субъектности его представителей. В статье предпринята попытка теоретической реконструкции идеи политической субъектности рабочего класса. В первой части статьи представлены концептуальные подходы к рассмотрению рабочего класса как политического субъекта. Авторы выделяют здесь три этапа: 1) классические работы, заложившие фундамент представлений о субъектности рабочего класса, его особой исторической роли; 2) констатация маргинального политического статуса рабочего класса в западных странах — ведущие теоретики описывают превращение рабочих в объект манипулирования как результат эпохи массовых коммуникаций и повсеместного внедрения идеологии потребительства; 3) работы современных авторов (в том числе в рамках *new working class studies*), выступающих против политики исключения из общественно-политического пространства традиционного промышленного рабочего класса и нового рабочего класса, которую проводит правящий класс неолиберального интернационала. В эмпирической части статьи описана политическая субъектность рабочего класса в России, его положение в политическом пространстве на институциональном и индивидуальном уровне. Несмотря на слабую представленность рабочих в политике, примерно с 2010 года наблюдается возвращение рабочего класса в публичное пространство. Репрезентативный опрос, проведенный в трех регионах Уральского федерального округа и подкрепленный нарративными интервью, зафиксировал слабую заинтересованность молодых представителей нового рабочего класса в политике, распространенность установок на неучастие в ней и высокий уровень национальной патриотической идентичности.

Ключевые слова: рабочий класс; политическая субъектность; новый рабочий класс; политическое сознание; политическое поведение

Вследствие реформ 1990-х годов и догоняющего переструктурирования индустриальной экономики в постиндустриальную в России произошла девальвация рабочих профессий. На Западе переход к экономике постиндустриального типа произошел гораздо раньше, был не столь динамичен, не сопровождался шоковой терапией, купировался социальной ответственностью государств. Кардинальные изменения положения российских рабочих и их депривация вызвали «масштабную травму», разочарование в реформах и

* © Гаврилюк В.В., Маленков В.В., 2020.

Статья поступила 10.10.2019 г. Статья принята к публикации 24.01.2020 г.

государственной политике. По мнению В.П. Зиновьева, «рабочий класс России, в отличие от рабочих других индустриальных стран, не представляет собой серьезной политической силы. Он был разобщен, обманут и разгромлен в 1990-е годы в череде политических и экономических кризисов. За четверть века бывший класс-гегемон так и не нашел своего места в социально-политической структуре новой России» [7. С. 57]. Фактически до 2011 года публичная апелляция к рабочему классу, которая в советский период составляла ядро риторики власти, отсутствовала в официальном дискурсе. Возвращение политической идентичности рабочего класса в постсоветской России связано с появлением его в публичном пространстве во время избирательного цикла 2011–2012 годов [22]. А после победы на президентских выборах в США Д. Трампа широкое распространение получило мнение о некотором возрождении политической субъектности рабочего класса, который может заявить о себе в будущем во всем мире [17; 21].

Необходимо отметить, что в обоих случаях речь идет об активизации промышленных рабочих, занятых в индустриальном секторе экономики, который переживает не лучшие времена. Однако сегодня состав рабочего класса расширился, включив в себя, наряду с рабочими производственных предприятий, работников сферы услуг, составляющих основу постиндустриальной экономики. Это «новый рабочий класс», который сегодня стал самым массовым, но слабо представлен на политическом поле. В статье мы попытались проследить изменение трактовок политической субъектности рабочего класса на теоретическом уровне, описать ее сегодняшнее состояние, прежде всего в России, и определить уровень и потенциал политической субъектности молодежи Уральского федерального округа, представляющей «новый рабочий класс».

В отечественной социологии субъектность часто рассматривается как форма реализации гражданско-политического потенциала — интегративного показателя, отражающего способность человека быть непосредственным или опосредованным (через разные объединения и организации) участником политических процессов. Политическая субъектность связана с определенной стадией развития общества и политической культуры. В одних исторических условиях политическая субъектность свойственна только определенным группам (например, интеллигенции), в других — многим, что формирует критическую массу акторов, способных оказывать влияние на политику. Помимо понятия «политический субъект» в социологии встречаются термины «субъект политики», «актор», «агент», но мы будем использовать понятие «политическая субъектность» как обозначение (1) способности коллективно влиять на политическую повестку и признания рабочего класса влияющим на политический процесс другими его значимыми участниками; (2) совокупности политических ориентаций представителей рабочего класса, гражданской компетентности и способности осуществлять политическую и гражданскую активность.

Рабочий класс как политический субъект и объект политики

Эволюцию представлений о политической субъектности рабочего класса в зарубежной философии и политической социологии можно хронологически разделить на три этапа: становление субъектности, размывание субъектности и возрождение субъектности на новой основе. На первом этапе был признан переход от бессубъектности рабочего класса к его политической субъектности в марксистской и ранней неомарксистской теории — превращение из «класса в себе» в «класс для себя» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов). Важную роль в данном подходе сыграл В.И. Ленин, акцентировавший организационный аспект политического действия, Д. Лукач, исследовавший роль классового сознания, и А. Грамши, разработавший концепцию гегемонии как механизма систематического участия рабочего класса в политике. Последний полагал, что революция в России была победой организационных технологий, но практически не затронула политическое сознание рабочего класса, т.е. фактически признавал несостоятельность пролетариата России как политического субъекта. Чтобы обрести субъектность, необходимо было выстроить механизм контргегемонии как альтернативного дискурса, призванного заместить дискурс правящего класса.

Второй этап связан с представлением о полной потере рабочим классом субъектности в эпоху массовых коммуникаций и идеологии потребительства, что превратило его в объект манипулирования (Т. Адорно, Л. Альтюссер, В. Беньямин, Г. Дебор, К. Корош, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.). В этот период преобладают «когнитивные структуры авторитаризма», которые влекут «вымирание эго, бессилие субъекта в тотально администрируемом мире» [12] — идеологический аппарат государства продуцирует «ложное сознание» и формирует «одномерного человека», лояльного любым политическим режимам. Г. Маркузе относит рабочий класс к консервативному большинству, которое самовоспроизводится и обладает иммунитетом к изменениям, сформированным пропагандой. Рабочий класс в высшей степени интегрирован в существующую систему, причем на солидной материальной основе, а не только идеологически, поэтому влияние пропаганды подкреплено материальным стимулированием [8]. Но такое положение не будет вечным: противоречия капитализма нарастают, что приведет к необходимости проявить свободную политическую волю и стать политическим субъектом.

О новой бессубъектности рабочего класса писали и теоретики, не относящиеся к неомарксистам. Один из критиков русской революции Г. Дебор считал, что вместо утверждения политической субъектности рабочий класс становится еще более бессубъектным. На фоне победы большевиков в России и социал-демократии в Европе возник новый порядок вещей: «рабочий класс, переродившийся в представление, решительно противопоставил себя самому рабочему классу» [6. С. 29]. Как только самодержавие было ликвидировано, моментально закончилась демократия, пролетариат утратил значимость как политический субъект: «Дебаты были прекращены, как только власть захватила

революционная бюрократия, которая, овладев государственной властью, тут же навязала обществу новое классовое господство» [6. С. 30]. Воспользовавшись идеей гегемонии пролетариата, бюрократия учредила новую форму собственного господства — гегемонии социалистической бюрократии, ставшей во главе хорошо замаскированной формы государственного капитализма.

Советолог А. Безансон называет процесс трансформации пролетариата после революции образцовой операцией по распылению рабочего класса: имел место идеологический подлог — замена объективных реалий воображаемой реальностью. Власть в форме рабочего самоуправления быстро переродилась в партийно-бюрократическую. «Эсхатологическая сущность рабочего класса перестала быть принадлежностью группы фабрично-заводских рабочих, вследствие чего они весьма быстро потеряли все права и превратились в прислужников “рабочего класса”, душа которого, по принципу метемпсихоза, переселилась в тело партийного аппарата» [2. С. 128]. Уже в июле 1918 года произошла большевизация советов посредством их замены на профсоюзы. С этого момента нельзя рассматривать рабочий класс в качестве политического субъекта, поскольку он был лишен всех инструментов политического влияния.

П. Бурдые обращает внимание на явление театрализации, где главную роль играет рабочий класс, к которому апеллируют разные политические силы и профсоюзы. Он называет их «постоянными представителями», осуществляющими номинацию рабочего класса в политическом поле, которая имеет все классовые атрибуты, знаки отличия, аббревиатуры, эмблемы. «Этот рабочий класс “как воля и представление” не имеет ничего общего с классом в действии, с реально мобилизованной группой, которую упоминает марксистская традиция» [3. С. 93]. Это «класс на бумаге», существующий лишь как воображаемая группа, идентичность которой поддерживается административно-политическими механизмами.

Основу третьего концептуального понимания политической субъектности рабочего класса составляют идеи о необходимости формирования субъектности на новой количественной и качественной основе — как ответ на масштабное исключение из общественно-политического пространства в условиях неолиберальной политики и глобального капитализма. Главные теоретики здесь — И. Валлерстайн [4], Э. Лаклау и Ш. Муфф [18; 20], Н. Хомский [11]. Их работы строятся на критике неолиберальной модели глобальной экономики, где субъектами являются крупные транснациональные корпорации и обслуживающие их местные элиты (неолиберальный интернационал). Демократия в этой ситуации подвергается глубокой эрозии, хотя формально существуют институты, убедительно ее имитирующие. Такое положение стало развиваться с середины 1970-х годов — пика гражданско-политической активности в западных странах. За ним последовало падение политической активности, однако тотальный отказ от политического участия не был естественным — он управляем и связан с целеполаганием и интересами правящих неолиберальных кругов. Осознание данного факта и широкое политическое

просвещение должно повлиять на формирование и реализацию политической субъектности рабочего класса.

В XXI веке можно говорить о возрождении интереса к левым идеям, противопоставляемым неолиберальным идеологическим конструктам. Левые интеллектуальные течения и общественные движения всегда опирались на рабочий класс, но теперь их лидеры обращаются к новому рабочему классу, включающему в себя не только промышленных рабочих, но и работников постиндустриальной экономики. Проблематику политической субъектности стали развивать представители научного направления, известного как *new working class studies* — С. Ингшуа [23], С. Оттфилд [13], М. Цвейг [24] и др. Их главной идеей стал отказ от предвзятого отношения к рабочему классу как невежественному и не способному к осознанной политической деятельности [15]. Сторонники данного направления полагают, что идея об отмирании классов вследствие актуализации других идентичностей преждевременна, тем более что она сознательно продуцировалась неолиберальной пропагандой (начиная с М. Тэтчер) в качестве инструмента ослабления классовой идентичности рабочих.

Российский рабочий класс в пространстве политики

Коллективная политическая субъектность рабочего класса в форме проявлений его активности, в том числе протестной, имеет солидную историю. Особенность нашей страны в том, что именно здесь произошла социалистическая революция, хотя рабочее движение в тот период было далеко не самым развитым в мире [7; 16]. За время существования советского государства значимых проявлений политической активности рабочих вне официальной повестки не наблюдалось, а локальные протестные выступления подавлялись. В зоне влияния коммунистической идеологии к числу массовых политических движений можно отнести польское независимое профсоюзное движение рабочих «Солидарность». В 1980-х годах оно не только проявило себя как классический профсоюз, но и стало катализатором и инициатором политических и экономических реформ. Опыт «Солидарности» вдохновлялось шахтерское протестное движение конца 1980-х — начала 1990-х годов. Забастовочное движение шахтеров приобрело особое значение, поскольку было наиболее массовым и наряду с экономическими выдвинуло и политические требования [1].

Во время перестройки, на волне демократизации возникло множество политических партий: они были немногочисленны, не имели организационных структур в масштабе страны. Левые политические организации и клубы, позиционировавшие себя как проводников воли рабочего класса, не имели серьезной поддержки, хотя отдельные лидеры, отстаивавшие левые идеи, стали активными участниками политических процессов. В постсоветской России, в 1990-е годы, левые организации вновь обрели поддержку. Государственная Дума, избранная в 1995 году, была прокоммунистической, однако это скорее эффект протестного голосования и ностальгии разных социальных групп,

нежели свидетельство высокой политической активности рабочего класса. Начиная с выборов 1999 года электоральная база КПРФ как системной партии левого политического спектра размывалась. Теряли поддержку и ликвидировались другие партии социалистической и коммунистической направленности. Сегодня из 64 политических партий, официально зарегистрированных Минюстом РФ (после «упрощения» процедуры регистрации), 16 апеллируют к рабочему классу в уставах и программах, из них половина содержит в названии такие слова, как «коммунистическая», «социалистическая», «партия труда», «партия трудящихся». Большинство этих партий лишь формально зарегистрированы, но не ведут активной политической деятельности.

Что касается гражданско-политической активности рабочих как коллективного субъекта, то последние заметные протесты с политическими требованиями состоялись в России в начале 1990-х годов. Затем они стали локальными и были связаны в основном с невыплатой заработной платы. Начиная с 1999 года количество протестов резко падает [14; 19]. В.П. Вершель характеризует российский рабочий класс как лояльный и политически-пассивный: «ему свойственны не критическое отношение к существующей действительности, к поведенческим и пропагандистским стереотипам, отсутствие индивидуальности, манипулируемость, консерватизм, конформизм» [5. С. 272].

Степень политической субъектности российских рабочих остается невысокой, более того, некоторые исследователи говорят об исчезновении рабочего класса как политического субъекта: «как социальная группа он никуда не исчез и не утратил значимости как потенциальный агент социальной революции, но рабочий класс как идентичность, общность, социальный субъект пережил процесс беспрецедентного распада» [10]. С крушением Советского Союза символическая роль рабочего класса исчезает.

О нем стали чаще говорить, когда появилась и начала активно транслироваться идея «третьей промышленной революции», новой индустриализации в России. Тогда пришло четкое осознание, что без рабочих кадров новую индустриализацию не провести. Значение рабочего класса стало расти, но преимущественно как экономического субъекта. До конца 2011 года рабочие не были значимым политическим субъектом ни в смысле политического участия, ни в контексте символической политики — как ядро государственной идеологии. Актуализация политического статуса рабочего класса произошла в 2011 году, когда дискурс о нем как субъекте политики возник в ходе избирательной кампании в Государственную Думу и выборов Президента РФ в начале 2012 года [22. С. 163]. Тогда понятие «рабочий класс» из экономического дискурса элит переместилось в политический дискурс национального масштаба. Один из активных участников этого процесса, назначенный полномочным представителем Президента РФ в Уральском федеральном округе И. Холманских отметил в выступлении на первой торжественной церемонии награждения конкурса «Славим человека труда» в 2012 году: «Стали популярны разговоры о том, что время рабочего класса прошло, что он сходит с

политической арены нашей страны, но эти слова особенно смешно слышать... в любом индустриально развитом центре Урала и Западной Сибири. Нет, рабочий класс — он жив». И. Холманских признал необходимость слышать голос рабочего класса и налаживать диалог между ним и властью.

Таким образом, политическая субъектность рабочего класса в России пережила серьезный кризис и, видимо, продолжает в нем находиться, что прослеживается по всем полям активности, включая самоуправляемую мобилизацию и профсоюзные и партийные механизмы позиционирования рабочего класса в политическом пространстве. Вместе с тем его возвращение в поле публичной политики может сыграть важную роль в осознании его классовых интересов, социальной и политической идентичности, а следовательно, в становлении его политической субъектности.

Политическая субъектность рабочей молодежи и потенциал ее формирования

Эмпирической основой дальнейшего анализа выступают данные проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России», в ходе которого была проведена серия исследований, совмещающих количественные и качественные методы. В 2018 году был проведен анкетный опрос (N=1534) представителей нового рабочего класса в возрасте 18–29 лет, проживающих на территории Курганской, Свердловской и Тюменской областей (без автономных округов). Также были проведены нарративные интервью (N=31) с представителями нового рабочего класса в возрасте 18–29 лет. Под новым рабочим классом мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию, не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся [9. С. 353].

Одна из основных целей исследования — определить, в какой степени политическая субъектность присуща молодым представителям нового рабочего класса. Было выделено четыре ключевых компонента политической субъектности: 1) ценностные ориентации в отношении макросубъектов политической системы (государство, главные политические игроки); 2) интерес к политике и гражданско-политическая идентичность; 3) оценка способности влиять на действия и решения участников политического процесса через разные механизмы участия; 4) поддержка политической повестки.

Первая группа эмпирических показателей затрагивает общие представления о стране и государстве — как рациональные, так и эмоциональные. На вопрос об отношении к факту проживания в России чуть более трети респондентов ответили, что считают себя патриотами независимо от гражданской позиции, более четверти готовы принимать все, даже если с чем-то не согласны, 14,7% сочетают любовь к Родине с критическим отношением к курсу развития страны, практически для каждого десятого неважно место

проживания, главное — жить хорошо, примерно столько же хотели бы уехать в другую страну (Рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Охарактеризуйте свое отношение к тому, что Вы проживаете в России» (в %)

Степень готовности мириться с тем, что происходит в стране, даже если с чем-то не согласны, у женщин несколько выше (33,5% против 25,4%). Среди работников сферы услуг больше тех, кто готов принимать все, что происходит в стране, даже если не согласны с этим (32,1% против 26,1%).

Почти половина (48,8%) опрошенных гордятся российской историей, 30,6% гордятся ею в целом, за исключением некоторых периодов. Наиболее заметные различия наблюдаются у промышленных рабочих и работников сферы услуг: безусловно гордящихся историей больше среди занятых в производстве (55,3% против 43,4%), тогда как «гордящихся с некоторыми исключениями» больше среди работников сферы услуг (36% против 24,1%). Неприятие и стыд по отношению к истории испытывают 6,2%. Треть респондентов (33,5%) считают Россию частью западной цивилизации, 37,6% не согласны с этим, 28,9% затруднились ответить на данный вопрос.

Помимо национально-государственной идентичности, важной составляющей гражданско-политической субъектности является групповая идентификация в качестве представителей рабочего класса. Так себя идентифицирует 40,7%, 28% относят себя к среднему классу, 16,3% — к наемным работникам, 4,4% — к свободным профессионалам. Среди промышленных рабочих доля идентифицирующих себя с рабочим классом составляет 52,7%, у занятых в сфере услуг — 30,8%.

Большинство (65,9%) молодых представителей рабочего класса не принимает участие в общественной деятельности и не состоит в общественных объединениях. Всего 10,9% состоят в профсоюзе, 7,8% занимаются волонтерской

деятельностью, 6,6% участвуют в благотворительности, 4,9% являются членами политических партий, 1,7% — профессиональных ассоциаций. Нарративные интервью свидетельствуют о формальных отношениях с профсоюзами и другими организациями, а волонтерская и благотворительная активность имеет несистематический характер и выступает обычно результатом административной мобилизации по месту работы или учебы. «Да, я состою в профсоюзе. Но мне от него как бы ни холодно, ни жарко...» (Юрий, 26, токарь).

Интервью также показывают в целом пассивное отношение представителей нового рабочего класса к политике. Можно условно разделить рабочую молодежь на (1) заинтересованных в политике, (2) частично интересующихся, (3) разочаровавшихся (раньше интересовавшихся, а теперь нет), (4) дистанцирующихся и (5) относящихся к политике резко негативно. Первая группа малочисленна и на общем фоне практически незаметна, но дело даже не в количестве, а в безэмоциональности высказываний о политике (те, кто все же отмечал интерес к ней, делали это очень формально). Ко второй группе относятся те, кто говорил, что «интересуется политикой в какой-то степени», «немного», «большого интереса нет, но новости смотрят» и т.д.: «Большого интереса к политике я не проявляю, но следить за новостями стараюсь. Часто смотрю итоговые недельные новостные выпуски по федеральным каналам» (Александр, 28, менеджер по продажам). «Не совсем, но, если наткнусь на какие-то новости, иногда могу прочитать. А чтобы сидеть и искать какие-то политические новинки — нет» (Андрей, 21, укладчик).

К третьей группе относятся информанты, которые отмечали изменение интереса к политике в отрицательную сторону — раньше было интересно, а теперь нет. В качестве причин назывались отсутствие значимых игроков на политическом поле, проектов, которые раньше казались перспективными, крушение надежд, изменение политического поля и повестки: «В последнее время старался дистанцироваться от политики. Честно, поднадоела, и я в чем-то разочаровался» (Егор, 29, менеджер по лизингу). «В последнее время нет... политика сейчас достаточно открыта, и некоторые политические деятели пришли из медийных сфер. Но я не считаю их настоящими политиками, и от этого политика страны приходит в упадок» (Ксения, 22, кальящик). «Одно время интересовался, потом как-то прочитал пару книг... Оруэлла "1984" и ... понял, ... в нашей стране... интересоваться политикой — пустая трата времени, никакого смысла нет» (Дамир, 23, продавец-консультант).

Четвертая группа представлена дистанцирующимися от политики: отсутствие интереса они либо не объясняют, либо апеллируют к нехватке времени, несоответствию их жизненной стратегии и интересам. Резко негативных оценок они не высказывали: «Политика меня не сильно интересует. В основном я в IT, как развиваются игры» (Виталий, 22, охранник). «На политику времени нет. ... На слуху всегда, и периодически с ребятами на работе обсуждаем что и как происходит» (Антон, 26, рабочий сцены).

Пятая группа — информанты, резко негативно относящиеся к политике. Несмотря на малочисленность, их мнение показательное: «Вообще стараюсь

держаться от нее подальше, поскольку я не понимаю все эти политические игры... Мне это настолько неинтересно и непонятно... Я редко смотрю телевизор, но, если смотрю и вижу какую-то политику, я скорее переключу» (Роман, 21, токарь). «Интересоваться политикой сейчас... это то же самое, что стать сумасшедшим и утверждать, что все будет хорошо, все будет замечательно, а на самом деле... Нашу страну прессуют и мы ничего с этим сделать не можем» (Дмитрий, 21 год, техник по радионавигации).

Важной частью гражданско-политической субъектности является участие в политике. Форм такого участия в развитой политической системе много, и выборы из них далеко не самая важная. В этой связи показательны ответы на вопрос «Участвуете ли вы в политической жизни страны?»: практически все интервьюируемые сразу начинали говорить про выборы, а другие формы гражданской и политической активности практически не упоминали. Пространство публичной политики в сознании молодых представителей рабочего класса сужено до возможности проголосовать на выборах. Более того, позиция сознательного неучастия в выборах непопулярна среди участников интервью, поскольку реализация избирательного права воспринимается ими преимущественно как гражданская обязанность. «Да, на выборы, я, конечно, хожу. Я знаю из школьной программы по обществознанию, что каждый гражданин должен участвовать в жизни своей страны и своего города» (Александр, 24, продавец-консультант).

Митинги воспринимаются как противоположность выборам: «Ежегодно участвую, хожу на выборы... Ни на какие митинги не хожу» (Андрей, 21, укладчик). В сознании молодых рабочих актуализированы две формы политического участия: голосование на выборах — как одобряемая форма политического действия, участие в публичных мероприятиях (митингах, шествиях и т.д.) — как нежелательная форма выражения гражданской позиции. «Я бы, конечно, мог пойти на митинг. Но какой в этом смысл? Чтобы просто лишиться работы? Чтобы просто просидеть суток пятнадцать ни за что?» (Дамир, 23, продавец-консультант). Впрочем, участие и в избирательном процессе, и в протестных акциях воспринимается как бесполезное действие. «Все решено за меня... Смысла нет голосовать. Это полстраны так считают, я думаю» (Станислав, 25, оператор по приемке). «Считаю, что от меня абсолютно ничего не зависит. Чтобы меня затолкали в “автозак”? Ничего от этого не изменится, поэтому не вижу в этом никакого смысла (ходить на митинги)» (Николай, 27, автомеханик).

Что касается защиты профессиональных, цеховых интересов в отношениях с работодателями, то ситуация несколько иная. Большинство (86,2%) считает, что рабочие должны бороться за свои права, отстаивать свои интересы во взаимоотношениях с работодателями, но более трети респондентов (34,5%) не готовы предпринимать какие-то действия в случае нарушения своих трудовых прав. Защищать их через профсоюз считают возможным 20,3%, а отстаивание политическими методами практически неприемлемо — только 8,7% готовы участвовать в забастовках и других формах публичного

протеста. Обращение в средства массовой информации рассматривают в качестве инструмента 6,1%. Характерно, что обращение к региональным и местным органам власти готовы использовать лишь 4,7% (последнее место среди вариантов ответа).

Важное значение имеет отношение молодежи к существующему политическому курсу, актуальной повестке последних нескольких лет. Данный показатель мы рассматривали посредством трех вопросов — восприятие западных санкций, отношение к военному присутствию России на чужих территориях и оценка актуального направления развития страны (Рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «С каким утверждением о современной России Вы согласны» (в %)

Значительная часть опрошенных положительно оценила существующий курс, причем чем старше респонденты, тем больше среди них поддерживающих политический курс: в младшей группе 32,9%, в средней — 38,5%, в старшей — 45,7% (среди сельских рабочих поддержка также выше — 47,2% против 36,5% в городе). Почти четверть опрошенных считают, что Россия должна участвовать в войнах на чужой территории — не согласны с этим более половины, остальные признались, что не думали об этом. Среди согласных больше городских рабочих (25,6% против 15,9%) и занятых в промышленности (27,4% против 19,9%). Чем старше респонденты, тем больше среди них поддерживающих войну России на чужой территории — 15,6% в группе до 19 лет, 20,6% в средней группе (20–24 года) и 33,4% в старшей (25–29 лет). Практически половина убеждена в положительном влиянии западных санкций на Россию: этот показатель наиболее высок в старшей возрастной группе (50,3%) и среди городских жителей (45,5% против 36%). В целом только 7,8% согласны со всеми тремя утверждениями, а корреляция (по коэффициенту Спирмена) между поддержкой курса развития страны и мнением об участии страны в войнах и положительной оценкой влияния западных санкций очень слаба (0,289 и 0,323 соответственно).

***

Таким образом, очевиден разрыв между положением рабочего класса в политической системе и осознанием молодыми рабочими своей политической субъектности. С одной стороны, действующая власть неоднократно демонстрировала ориентацию на рабочий класс как целевую группу, мнение которой необходимо учитывать при принятии политических и управленческих решений, что говорит о символическом возвращении рабочего класса в публичное поле политики после долгого перерыва. С другой стороны, в структуре политических ориентаций молодежи нового рабочего класса преобладают пассивность, аполитичность и отчужденность, ощущение неспособности влиять на политические процессы, что свидетельствует о слабой политической субъектности на индивидуальном уровне. Данные тенденции проявляются во всех группах и различия по полу, возрасту, месту проживания и сфере занятости весьма незначительны. Видимо, обозначенные тенденции — одна из причин того, что заметной активизации рабочего класса как реальной политической силы в стране пока не наблюдается.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФ. Проект № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Библиографический список

- [1] *Баранов А. В.* Забастовочное движение шахтеров в СССР (1988–1991 гг.) как проявление общественной самоорганизации: этапы исторического развития // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6/1.
- [2] *Безансон А.* Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998.
- [3] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- [4] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб., 2001.
- [5] *Вершель В.П.* Рабочее движение: грани социальной активности (1989–1991) // Управленческое консультирование. 2014. № 12.
- [6] *Дебор Г.* Общество спектакля / Пер. с фр. М., 1999.
- [7] *Зиновьев В.П.* Классики марксизма о характере рабочего движения в России // Вестник ТГУ. 2016. № 402.
- [8] *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М., 2003.
- [9] Молодежь нового рабочего класса современной России / Под ред. Т.В. Гаврилюк. М., 2019.
- [10] *Овсянников И.* Рабочий класс в постсоветской России. Что стоит за глухим смирением? // http://anticapitalist.ru/archive/prof/rabochee_dvizhenie_v_postsovetskoj_rossii_chno_stoit_za_gluxim_smireniem.html.
- [11] *Хомский Н.* Прибыль на людях. М., 2002.
- [12] *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997.
- [13] *Attfield S.* Rejecting respectability: On being unapologetically working class // Journal of Working-Class Studies. 2016. Vol. 1. No. 1.

- [14] *Greene S., Robertson G.* Politics, justice and the new Russian strike // *Communist and Post-Communist Studies*. 2009. Vol. 43. No. 1.
- [15] *Jones O.* Chavs: The Demonization of the Working Class. L., 2012.
- [16] *Kir'ianov Iu. I.* On the nature of the Russian working class // *Soviet Studies in History*. 1983. Vol. 22. No. 3.
- [17] *Kohn L.* Working-class culture as political participation: Reading Trump as revolt against a middle-class public sphere // *Journal of Working-Class Studies*. 2018. Vol. 3. No. 1.
- [18] *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. L., 1985.
- [19] *Morris J.* From betrayal to resistance: Working-class voices in Russia today // *Journal of Working-Class Studies*. 2017. Vol. 2. No. 1.
- [20] *Mouffe C.* Working-class hegemony and the struggle for socialism // *Studies in Political Economy*. 1983. Vol. 12. No. 1.
- [21] *Schrock D., Dowd-Arrow B., Erichsen K., Gentile H., Dignam P.* The emotional politics of making America great again: Trump's working class appeals // *Journal of Working-Class Studies*. 2017. Vol. 2. No. 1.
- [22] *Simons G.* Stability and change in Putin's political image during the 2000 and 2012 presidential elections: Putin 1.0 and Putin 2.0? // *Journal of Political Marketing*. 2016. Vol. 15. No. 2–3.
- [23] *Yingshuai S.* "Recurrence" and "reconstitution": The rise of "new workers" and the transition of China's social structure — Marxist class theory and the new changes in the contemporary working class // *International Critical Thought*. 2015. Vol. 5. No. 2.
- [24] *Zweig M.* Rethinking class and contemporary working-class studies // *Journal of Working-Class Studies*. 2016. Vol. 1. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-333-347

New working class as a political subject*

V.V. Gavrilyuk¹, V.V. Malenkov²

¹Industrial University of Tyumen
Volodarsky St., 38, Tyumen, 625003, Russia

²Tyumen State University
Volodarsky St., 6, Tyumen, 625003, Russia
(e-mail: gavriliuk@list.ru; vvmalenkov@gmail.com)

Abstract. The authors consider the new working class as consisting of both industrial workers and employed in the service sector. The article aims at identifying changes in the social-political status of the new working class and at describing the civil-political component of its political subjectivity. The authors attempt to theoretically reconstruct the idea of the working class as a political subject. The first part of the article presents conceptual approaches to the analysis of the working class as a political subject. The authors identify three periods: 1) classical works that laid the foundation for the study of the working class as a political subject and its special historical role; 2) studies of the marginal political status of the working class in Western countries, when leading theorists described the transformation of workers into an object of manipulation in the era of mass communications and the widespread consumerism ideology; 3) works of contemporary authors (including the new working class studies) opposing the policy of the

---

* © V.V. Gavrilyuk, V.V. Malenkov, 2020.

The article was submitted on 10.10.2019. The article was accepted on 21.01.2020.

traditional industrial working class and the new working class exclusion from the social-political space, which is pursued by the ruling class of the neoliberal international. The empirical part of the article describes the political subjectivity of the working class in Russia and its position in the political space at the institutional and individual levels. Despite the underrepresentation of workers in politics, since 2010, we have witnessed a return of the working class to the public space. The representative survey conducted in three regions of the Ural Federal District and narrative interviews prove a weak interest of the new working class youth in politics, their tendency of non-participation in it, and a high level of national patriotic identity.

Keywords: working class; political subject; new working class; political consciousness, political behavior

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 17-78-20062 “Life strategies of new working class youth in contemporary Russia”.

References

- [1] Baranov A.V. *Zabastovochnoe dvizhenie shahterov v SSSR (1988–1991 gg.) kak proyavlenie obshchestvennoj samoorganizatsii: etapy istoricheskogo razvitiya* [The strike movement of miners in the USSR (1988-1991) as a manifestation of social self-organization: Stages of historical development]. *Istoricheskaya i Socialno-Obrazovatel'naya Mysl*. 2016; 8 (6/1) (In Russ.).
- [2] Bezanson A. *Sovetskoe nastoyashchee i russkoe proshloe* [Soviet Present and Russian Past]. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. *Sociologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [4] Wallerstein I. *Analiz mirovyh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Per. s angl. P.M. Kudyukina; pod obshch. red. B.Yu. Kagarlitskogo. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).
- [5] Vershel V.P. *Rabochee dvizhenie: grani sotsialnoj aktivnosti (1989–1991)* [Labor movement: Types of social activity (1989–1991)]. *Upravlencheskoe Konsultirovanie*. 2014; 12 (In Russ.).
- [6] Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Per. s fr. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [7] Zinoviev V.P. *Klassiki marksizma o kharaktere rabochego dvizheniya v Rossii* [Classics of Marxism on the nature of the labor movement in Russia]. *Vestnik TGU*. 2016; 402 (In Russ.).
- [8] Marcuze H. *Eros i tsvivilizatsiya. Odnomerny chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva* [Eros and Civilization. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*]. Per. s angl., poslesl., primech. A.A. Yudina; sost., predisl. V.Yu. Kuznetsova. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [9] *Molodezh novogo rabochego klassa sovremennoj Rossii* [Youth of the New Working Class on contemporary Russia]. Pod red. T.V. Gavriilyuk. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [10] Ovsyannikov I. *Rabochy klass v postsovetsoj Rossii. Chto stoit za gluhim smirenijem?* [Working class in post-Soviet Russia. What is behind the voiceless humility?]. http://anticapitalist.ru/archive/prof/rabochee_dvizhenie_v_postsovetsoj_rossii_chto_stoit_za_gluxim_smirenijem.html (In Russ.).
- [11] Chomsky N. *Pribyl na lyudyah* [Profit over People]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [12] Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragment* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]. Moscow-Saint Petersburg; 1997 (In Russ.).
- [13] Attfeld S. *Rejecting respectability: On being unapologetically working class*. *Journal of Working-Class Studies*. 2016; 1 (1).

- [14] Greene S., Robertson G. Politics, justice and the new Russian strike. *Communist and Post-Communist Studies*. 2009; 43 (1).
- [15] Jones O. *Chavs: The Demonization of the Working Class*. London; 2012.
- [16] Kir'ianov Iu. I. On the nature of the Russian working class. *Soviet Studies in History*. 1983; 22 (3).
- [17] Kohn L. Working-class culture as political participation: Reading Trump as revolt against a middle-class public sphere. *Journal of Working-Class Studies*. 2018; 3 (1).
- [18] Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London; 1985.
- [19] Morris J. From betrayal to resistance: Working-class voices in Russia today. *Journal of Working-Class Studies*. 2017; 2 (1).
- [20] Mouffe C. Working-class hegemony and the struggle for socialism. *Studies in Political Economy*. 1983; 12 (1).
- [21] Schrock D., Dowd-Arrow B., Erichsen K., Gentile H., Dignam P. The emotional politics of making America great again: Trump's working class appeals. *Journal of Working-Class Studies*. 2017; 2 (1).
- [22] Simons G. Stability and change in Putin's political image during the 2000 and 2012 presidential elections: Putin 1.0 and Putin 2.0? *Journal of Political Marketing*. 2016; 15 (2–3).
- [23] Yingshuai S. 'Recurrence' and 'reconstitution': The rise of 'new workers' and the transition of China's social structure — Marxist class theory and the new changes in the contemporary working class. *International Critical Thought*. 2015; 5 (2).
- [24] Zweig M. Rethinking class and contemporary working-class studies. *Journal of Working-Class Studies*. 2016; 1 (1).